

Публикация немецких рецензий на сочинение П.А. Сорокина
«Современные социологические теории» (1929–1932)№ 1
Л. фон Визе**Сорокин П. Современные социологические теории**
New York, London: Harper & Brothers, 1928*

Только ученый с неутомимым усердием, выдержкой и упорством, присущими Питириму Сорокину, мог в короткий срок создать такое произведение наряду со многими другими занятиями, к которым относится и преподавание в чужой ему стране на иностранном языке. Охваченная в этой книге литература крайне обширна, и слово «Современные (Contemporary)» получает еще более широкое значение, когда автор почти в каждой главе подробно касается предшественников, прослеживаемых вплоть до античности. Данное сочинение является также литературной историей. Получается, собственно, так, что прошлое рассматривается подробнее и, может быть, содержательнее, чем современность. Многие объемные главы посвящены школам в социологии, которые – как минимум, в сегодняшнем немецком понимании – мертвы и преодолены. Это относится прежде всего к «механистической школе», которая рассматривается на 60 страницах в первой главе. Таким образом, я бы лучше назвал эту книгу наброском истории наук (во множественном числе!) об общественной жизни, чем трактатом о современных социологических теориях. При этом, правда, слова «литературная история» не следует понимать так, будто речь идет о произведении, построенном согласно историческим категориям и отображающим взаимосвязь отдельных учений с общими условиями каждой эпохи. Сорокин, очевидно, хотел бы дополнить сочинения исторического характера книгой, написанной с точки зрения наук об обществе.

Произведение не имеет ничего общего с теми книгами по литературной истории старого стиля, в которых преобладает биографический материал. Более того, автор решил объединить авторов, которые в последние 60–70 лет писали о сущности человеческого общества, в девять школ и по возможности охарактеризовать общие черты каждой из них. Большинство основных школ опять-таки разбиты на группы,

* Перевод текста рецензии с немецкого на русский язык и комментарии Н.А. Головина выполнены при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00451 по изданию: *Wiese von L. Sorokin P. Contemporary Sociological Theories. New York, London: Harper & Brothers, 1928: Review. Kölner Vierteljahreshefte für Soziologie. 1929. Vol. 8. H. 1. – Pp. 109–115.* Подстрочные сноски, примечания и комментарии принадлежат переводчику (Головин Н.А.).

The translation of this text of the review from German into Russian and its comments by N.A. Golovin was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-011-00451, as published in the edition: [*Wiese von L. Sorokin P. Contemporary Sociological Theories. New York, London: Harper & Brothers, 1928: Review // Kölner Vierteljahreshefte für Soziologie. 1929. Vol. 8. No 1. – Pp. 109–115.*] Footnotes, notes and comments are of the translator (Golovin N.A.).

а в каждой группе выделены типичные для нее сочинения. Каждая глава, посвященная одной школе, в заключении содержит критическую оценку соответствующего теоретического направления.

Вряд ли можно действовать иначе или более рационально. Хронологический или биографический метод менее пригоден для представления истории наших наук в XIX и XX столетиях, чем метод, используемый в данном случае.

У него есть свои крупные риски и недостатки. Родовое понятие школы, причисление авторов к таким «школам», отделение одних от других, требование общего критического анализа – все это ставит задачу, которую едва ли можно решить удовлетворительно. Это наблюдается как раз при систематическом, а не хронологическом обзоре истории литературы в случае попытки выделения чистой истории догм, которая при такой изоляции должна быть рациональной (в обычном смысле слова) и конструктивной.

Ставя вопрос ребром, следует отметить: такие литературные истории не могут быть «хороши», т. е. вполне убедительны. Они всегда оставляют неудовлетворенность, но необходимы и особо незаменимы в преподавании. Их авторы приносят себя в жертву, за что им положена признательность всех остальных, которым легко придирается и давать оценки, но которые сами не готовы взвалить на себя неблагоприятную задачу найти лучшее ее решение.

Сорокин как раз до некоторой степени прекрасно понимает недостатки, связанные с сочинениями такого типа. Он вправе требовать от критиков своей книги учитывать это обстоятельство.

Если я в дальнейшем, пытаясь проанализировать произведение, не умолчу о том, что я все вижу иначе, то прежде я хотел бы подчеркнуть, что считаю книгу Сорокина до сих пор сравнительно наилучшей литературной историей наук об обществе и особенно предпочитаю ее «Philosophie der Geschichte als Soziologie [Философии истории как социологии]» Барта^{1*} уже потому, что исходным пунктом здесь не является одностороннее (и к тому же несостоятельное) утверждение, будто бы именно история философии тождественна социологии и что не бывает социологии, которая не есть философия истории, тем более если изначально исходить из многообразия представлений о задачах социологии. Если бы Барт был бы прав, то развитие социологии как самобытной науки было бы невозможно. В этом состоит, по-моему, самая большая беда, по сравнению с которой недостатки сочинения Соркина относительно невелики.

Перед пишущим такую литературную историю социологии, прежде всего, стоит сложный и ответственный выбор: в каком объеме он желает рассмотреть учение об обществе и желает он охватить его предмет широко либо узко. Сорокин решился на очень экстенсивное рассмотрение и отнес к социологии, в сущности, все сочинения, в которых с любой научной исходной позиции речь идет о человеческом обществе. Тот, кто, как автор этих строк, считает, что к социологии следует отнести лишь сочинения, в которых общественная жизнь человека исследована методом, отличным от методов других наук, и рассматривает другие сочинения об обществе лишь как вспомогательный материал для социологии, относя их к другим наукам, тот получает здесь прекрасную возможность проверить верность своей точки зре-

ния, тем более именно здесь, т. к. автор решительно представляет здесь свое энциклопедическое (скажем мы) понимание социологии.

Несмотря на все мои усилия справедливо отнестись к этой точке зрения, я все же должен безоговорочно признать, что именно эта книга Сорокина вновь убедила меня в бесплодности широкой, научно-универсальной интерпретации задач социологии. Главная услуга, оказанная мне этим сочинением, состоит в том, что я больше, чем когда-либо, убедился в своем тезисе, что социология может и должна быть особой отдельной наукой. Предполагаемые механистические, географические, биологические, демографические, психологические школы социологии вообще не относятся к науке об обществе, а относятся к физике, географии, биологии, демографии, психологии и т. д.

То, что Сорокин как историк наук идет другим путем, не заслуживает здесь упреков, т. к. это соответствует задаче, которую он себе поставил. Чтобы достичь своей дидактической цели, он действительно должен был учесть все, что выступало с претензией на социологию. Должен возразить лишь по поводу того, что он борется со строгим узким пониманием социологии и не порицает многие другие «школы», с которыми обращается бережно, невзирая на жуткую неразбериху, допущенную ими. Однако не думаю, что их не следует рассматривать. Наоборот, достойно благодарности то, что нам предоставлен такой обзор смежных областей – но именно смежных, – уже хотя бы потому, что так мы учимся отграничивать свою проблематику. Однако признание за ними претензий на социологию гораздо пагубнее, чем кажется на первый взгляд.

Я напрасно пытаюсь понять, как так получается, что автор из обзора бесконечно раздутой области того, что он считает социологией, приходит к заключению, как раз противоположному тому, что он нам неизбежно навязывает. Он явно озабочен тем, что область нашей науки может быть зажужена так, что ее существенные проблемы вообще больше не попадут в поле зрения. Если он приписывает так называемой формальной школе недостаток, состоящий в том, что она исключает столь многое, что остается лишь нечто относительно незначительное («что едва ли заслуживало бы названия социологии или какой-нибудь другой науки»^{*}; стр. 667).

В данном случае имеют место два существенных заблуждения. Во-первых, это то, что Зиммель обозначил как предмет своей формальной социологии все еще очень широкую, относящуюся прежде всего к нашей межчеловеческой жизни действительно существенную область. Во-вторых, речь идет, однако, не о том, чтобы оставить нерассмотренными биологические, географические и другие вопросы, задаваемые человеческим обществом, как неважные. Совсем нет, – а о том, чтобы они не подменяли по-настоящему социологических исследований и, более того, чтобы оставались во взаимосвязи с другими науками, не засоряя почву и не заслоня подлинно социологическое рассмотрение. Сорокин заканчивает сочинение предложением: «Социология была и остается наукой об общих свойствах всех классов социальных явлений с их связями и взаимоотношениями; таковой она либо и будет оставаться, либо не будет никакой социологии». Совершенно верно: во всех

* Перевод цитат из книги Сорокина «Современные социологические теории» с английского языка на русский приводится по изданию: Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия). Пер. и сост. А.К. Конюхова и В.В. Сапова; вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2021. – здесь и далее.

явлениях совместной жизни людей следует выделять поистине социальное. Однако его не установить, примешивая биологические, физиологические, географические и другие постановки проблем. Речь идет не о том, чтобы оставить вне внимания целые провинции «страны Общество», а о том, чтобы проработать всю – действительно всю – область, чтобы раскрыть единственную связь, а именно социальную.

На предпоследней странице (760) Сорокин пишет: «Она <социология> изучает: *во-первых, связи и взаимоотношения между различными классами социальных явлений (связи между экономикой и религией, семьей и моралью, правом и экономикой, мобильностью и политическими явлениями и т.д.); во-вторых, между социальными и несоциальными (географическими, биологическими, и т.д.) явлениями; в-третьих, изучает общие свойства, присущие всем классам социальных явлений*». И с этим я мог бы согласиться, если бы речь шла не о каких-то «отношениях» и «коррелятивных связях» и о других «общих характеристиках», а лишь о тех, которые вытекают из позитивных либо негативных актов вхождения в общество (Vergesellschaftung).

Как можно думать, что при этом результат будет «незначителен»? Ведь речь идет о самой глубокой, богатой и загадочной проблеме человека и человечества.

II

Сорокин представляет следующую классификацию современных школ социологии:

- I. Механистическая школа, а именно:
  - социальная механика;
  - социальная физика;
  - социальная энергетика;
  - математическая социология Парето.
- II. Синтетическая и географическая школа Ле Пле.
- III. Географическая школа.
- IV. Биологическая школа, а именно:
  - биоорганицистское направление;
  - расовые теории, учение о наследственности и селекции;
  - социологический дарвинизм (учение о борьбе за существование).
- V. Биосоциальная школа в демографической социологии.
- VI. Биопсихологическая школа.
- VII. Социологистическая школа, а именно:
  - неопозитивистское направление;
  - школа Дюркгейма;
  - школа Гумпловича;
  - формальная социология;
  - экономистическая интерпретация истории.
- VIII. Психологические школы, а именно:
  - бихевиоризм;
  - теории инстинкта;
  - учение об интроспекции.

IX. Психосоциологические школы:

интерпретация социальных явлений в понятиях культуры, религии, права, общественного мнения, социальной психологии и согласно другим психосоциальным факторам;

экспериментальное исследование взаимоотношений между различными психосоциальными явлениями.

При этом бросается в глаза, что не проводится различия между общей и специальной социологией (или, я бы сказал, между чистой и прикладной социологией). Как помогло бы такое различие прояснению вопросов и облегчило бы автору его задачу! В своем стремлении придать физикалистским игрищам, географическому обрубанию причинных связей, путанице в биологической проблематике и придании панпсихизму некоторых психологов того же значения для исследования сущности общества, что и по-настоящему социологическому исследованию, он приходит к странному плеоназму: социологическая школа в социологии! (глава VIII). Читатель может не сомневаться в том, что именно в данной главе и только здесь он впервые встречается с подлинно обществоведческой проблематикой, но никак не в равной степени в каждом из названных здесь подразделов.

III

В качестве механистической школы объединены авторы, которые «интерпретируют социальные явления, используя терминологию и понятия механики, физики или химии». Это не очень ясно, поскольку дело, пожалуй, в методе, да и слишком узко, т. к. в дальнейшем тексте учитываются любые интерпретации на основе математических методов (*modo mathematico*). Более верной представляется характеристика парой строк ниже, согласно которой речь здесь идет о понимании социальных явлений лишь как вариаций физических явлений. Насколько сильно этот подход отступил в настоящее время на второй план, следует, впрочем, из того (речь здесь не идет о каком-то высказывании Сорокина), что число «предшественников» здесь гораздо больше количества авторов, живших в XIX и XX столетиях.

Его критика школы весьма верна. Он винит ее в недостаточной адекватности суждений.

Среди рассмотренных здесь «социальных энергетиков» следовало бы указать Ваксвейлера^{2*}. К механистам отнесен также А. Бентли (A. Beutley, фамилия которого везде указана неверно, а именно: Benthley^{3*}). Это еще куда ни шло, но то, что говорится о его учении (на стр. 28), основано на недоразумении.

Сорокин рассматривает в этой главе механистические школы, правда, отдельно от прочих авторов и подробнее, а также Вильфредо Парето^{4*}. Разумеется, лозаннский ученый требовал развития экспериментальной, естественнонаучной социологии, но не объяснимо ли это лишь его временем? Мне кажется, что его непреходящее значение больше заключается в рассмотрении вопроса о логичности общественных явлений. Его изложение влияния остатков и дериваций мало связано с механистическими методами. Я бы не стал рассматривать Парето в данной связи. Иначе пришлось бы отнести сюда всех позитивистов.

Между механистической и географической школами в отдельной главе рассматривается школа Ле Пле. Следует ли помещать ее здесь – вопрос спорный. Несправедливая отрицательная оценка Барта Сорокиным преобразована здесь в щедрую хвалу. Но если Сорокин так высоко ценит это направление, то он не должен был оставлять без внимания сегодняшнюю школу Ле Пле в Англии, которая объединилась в Британское социологическое общество. Это – существенная ошибка, а именно: обнаруживается, что в книге «Современные теории» он подробно и очень тщательно рассматривает покойных учеников Ле Пле Турвиля^{5*} и Демолена^{6*}, но Бранфорд^{7*}, Фаркухарсон^{8*} и Геддес^{9*} вообще не названы среди социологов школы Ле Пле. Правда, упоминание сегодняшней школы Ле Пле вынудило бы автора далеко отодвинуть ее от механистической, т. к. ее молодое поколение в значительной степени является антипозитивистами. Учение о регионализме имеет почти мистическую окраску.

Ле Пле, как и следовало ожидать, переводит внимание на географов. Почти 100 страниц, на которых о них идет речь, весьма поучительны. Большое значение пространства и климата для развития общества показано четко и в хорошей последовательности мыслей. Однако фатально то, что изучение этой книги приводит к выводу о том, что констатацию опосредованной зависимости культуры и общества от пространственных условий следует считать социологией.

Биологическая интерпретация общества разбита на четыре вида: а) органицизм; б) расово-антропологическое учение; с) дарвинизм и d) теории инстинкта.

Об этом следовало бы многое сказать, но ограничусь лишь следующим:

Когда биологи полагают, что социальные явления представляют собой нечто иное, нежели разновидность жизни, мы не можем не удивиться, насколько догматически узкой является такая литература второй половины прошлого столетия (и частично современности).

Сегодня приходится признать, что существует много проблем, которые можно решить лишь посредством комбинации многочисленных биологических и социологических подходов, вопросов и методов. Человеческое общество выдвигает как минимум столько же биологических задач, сколько и социологических. Оно ни в коем случае не является лишь «искусственным» творением человеческого духа. Однако не следует считать, что все проблемы человеческого общества социологические.

Расовые теории представлены весьма наглядно. Может быть, здесь следовало бы показать двойной смысл слова «раса» (витальная раса и системная раса)*. Вывод считаю слишком мягким. «Расоведение немецкого народа» Гюнтера^{10*} в отношении германского народа кажется автору «очень ценной работой (very valuable work)».

* В нацистской расовой псевдонауке четко различаются две взаимосвязанные линии, составляющие синкретический характер нацистской идеологии: расовая гигиена и расовая антропология. Несмотря на то, что обе линии исходили из категории расы как центрального теоретического понятия, вплоть до 1933 г. они различались в выборе целевого объекта: расовая антропология строилась на понятии «системная раса», – идущем от Бога распределении людей в разные расы и народы. Члены системной расы «вплоть до самых глубинных бессознательных импульсов» и «мельчайших волокон мозга пребывают в реальности и неизбежности» своей этнической и расовой принадлежности. Представители расовой гигиены придерживались понятия «витальная раса», означающего передачу здорового наследственного материала безотносительно расовых границ, см: *Rickmann, Anahid S.* «Rassenpflege im völkischen Staat»: vom Verhältnis der Rassenhygiene zur nationalsozialistischen Politik / Universität Bonn, 2002. – S.49.

Утверждение Отто Амона^{11*} о витальном превосходстве высшего класса над низшим хорошо отвечает предрассудку Сорокина, так что он преподносит эту однобокую теорию как вполне доказанную. Здесь уместнее более осторожное высказывание. Если сравнивать его оценку «биологической социологии» с его же резкими суждениями о формальной социологии, то удивляет, что он, видимо, ставит произвольные спекуляции некоторых авторов из числа биологов выше, чем более осторожные заключения настоящих социологов. В отношении биологической школы говорится следующее (стр. 355): «Несмотря на многие ошибки, школа в целом представляет собой одно из самых мощных течений социологической мысли; она пролила свет на многие социальные явления, раскрыла ряд ценных корреляций и обнаружила много глубинных факторов, которые скрыты под живописной поверхностью социального океана. По этим причинам она должна быть признана одной из самых важных социологических школ... Чем больше открытий будет происходить в биологии и чем точнее будут эти открытия, тем более достоверными будут ее интерпретации социальных явлений». Мне кажется, что это не соответствует практике. Несомненно, что наблюдаемый и признанный прогресс в отношении точности самой биологии часто не учитывается, как только объектом изучения биологии становилось человеческое общество. Слишком часто проявлялся весьма грубый и огульный дилетантизм.

Демографическая школа, несомненно, заслуживает подробного рассмотрения, которое она здесь нашла. Однако то, что она собой представляет, является не социологией, а социографией*.

Наконец, наступает черед так называемой социологической школы. Ее еще не было в представленной здесь совокупности школ. Здесь деление материала таково: сначала представлены важнейшие теории, которые есть во всех системах «социологической» интерпретации. Затем следуют специальные теории, которые в качестве переменной используют определенное социальное условие (например, религию, обычай, семью, экономику) и демонстрируют их влияние и функции в разных областях социальных явлений.

В качестве типичных примеров общих социологических теорий рассматриваются: а) неопозитивистская школа де Роберти^{12*} и теории Эспинаса^{13*}, Изуле^{14*}, Драгическо^{15*}, Кули^{16*} и др.; б) школа Дюркгейма; в) теории Гумпловича^{17*} и его последователей; г) «формальная школа». Об этом формальном направлении говорится, что оно основано Тённисом и Зиммелем. Ее представителями являются: Тённис, Штаммлер, Зиммель, Г. Ришар^{18*}, фон Визе, Фиркандт, Литт^{19*}, Бугле^{20*}, частично Росс^{21*} в его последних работах, Р. Парк^{22*} и Э. Бёрджесс^{22*} (назвав лишь несколько имен).

Во втором томе моей «Общей социологии (Allgemeine Soziologie)» (на стр. 26 и следующих) я попытался разобраться с оценкой Сорокиным этого направления. Позволю себе сослаться на сказанное там. Здесь следует лишь отметить, что Сорокин обращается скорее против им же сформулированной программы предполагаемой школы, нежели рассматривает содержание сочинений названных им авторов.

* Термин Ф. Тённиса. «Социография – это, прежде всего, новое название научной дисциплины, которая, зародившись в XVI и XVII вв., приобрела большое значение и влияние в XVIII в. в качестве “статистики”», – считает он. См.: *Tönnies F. Soziographie. In Verhandlungen des 7. Deutschen Soziologentages vom 28. September bis 1. Oktober 1930 in Berlin: Vorträge und Diskussionen in der Hauptversammlung und in den Sitzungen der Untergruppen* (S. 196–206). Tübingen: Mohr Siebeck, 1931. – S.196.

На стр. 513 указано: «Если работы фон Визе, Тённиса, Зиммеля, Парка и Бёрджесса, Росса, Фиркандта и Богардуса не стали подобным схоластическим каталогом, то лишь потому, что они сами не следовали “формальным претензиям”. Лучшие части их работ именно те, где они забывают об этих претензиях и углубляются в исследование “содержания” явлений». При чтении глав, в которых есть эти высказывания, мне вновь стало ясно, что я поступил верно, отказавшись от термина и понятия «формальная» социология.

Согласно Сорокину, к специальным социологистическим теориям относятся также сочинения «экономической школы», прежде всего Маркса и Энгельса. Таким образом, здесь речь идет о разбирательстве с марксистами, но не только. В этой главе также удивляет и крайняя широта поля, которую распахал своим плугом Сорокин.

Главы, в которых идет речь о различных психологических направлениях, снабжены следующим введением: «Ранее отмечалось, что граница между психологической и социологистической школами практически незаметна... Социологистическая школа психологична в своей основе, а психологическая – социологистична. Тем не менее существуют некоторые различия, определяющие независимое существование обоих направлений социологической мысли на протяжении нескольких последних десятилетий. Из этих различий наиболее существенным является различие методологическое. Социологистическая школа пытается объяснить психические явления с помощью социальных условий. Она делает их производными от трансиндивидуальных процессов взаимодействия и социетальных обстоятельств. Психологическая школа, наоборот, начинает с психических характеристик индивида и пытается интерпретировать социальные явления как их производные или как их проявления» (стр. 600.) – Достаточно ли этого? Едва ли.

Из многочисленных направлений психосоциологических школ подробнее рассматриваются:

- a) инстинктивисты (которые уже были упомянуты автором в связи с биологами);
- b) бихевиористы и
- c) интроспективисты.

Обзор первой группы дает возможность для рассмотрения психоаналитиков. Критика кажется мне вполне убедительной. Также и путаница, устроенная Мак-Дугаллом^{24*}, по меньшей мере, упоминаемая в качестве таковой, кажется мне важной.

С беспокойством ожидается оценка Сорокиным бихевиоризма. То, что она вряд ли будет удовлетворительной, следует из того, что между психологическим бихевиоризмом, который в его строгой форме вообще является лишь физиологией, и социологическим бихевиоризмом, представленным Бернхардом^{25*}, Парком и Бёрджессом, отсутствует достаточно четкое различие. Как и во многих местах, здесь Сорокину также приходится расплачиваться за расплывчатость понятия социологии. Не получается отмахнуться от попыток чикагской школы, недооцененной автором, снять противоположность бихевиоризма и самонаблюдения как «псевдобихевиористскую» (стр. 620, 651 и далее). Учение о желаниях и поведении интерпретируется неверно (стр. 651). Немецкая теория «понимания» рассмотрена недостаточно.

Однако, как сказано, несмотря ни на что, остается почти «чудом», что один-единственный автор смог столь многомерно на менее чем 800 страницах в формате

в 1/8 долю печатного листа отобразить современную мировую литературу, посвященную человеческому обществу (включая обширные исторические введения). Более строгая методология потребовала бы от автора отказаться от такой задачи как неразрешимой. Но, так как такие обзоры необходимы, приходится считаться с их некоторыми слабостями. Правда, эта книга может – нельзя умалчивать об этом – стать опасной и вести вместо прогресса к новым заблуждениям. Она слишком снисходительна и благосклонна к точкам зрения в нашей науке, не способствующим пониманию сущности межчеловеческого общения, и слишком строга и несправедлива в отношении «социологизма». Если состоится заявленное в предисловии германское издание, я бы рекомендовал учесть критические замечания, которые мне показалось необходимым сделать. Скорее как раз в Германии меньше допускают доминирование естественнонаучных направлений, чем изображено здесь, но и в других странах, мне кажется, развитие учения об обществе идет в основном не тем путем, который указал Сорокин.

Комментарии

- ^{1*} Барт, Пауль (Barth, 1858–1922) – немецкий философ и педагог.
- ^{2*} Ваксвейлер, Миль (Waxweiler, 1867–1916) – бельгийский инженер, статистик, социолог.
- ^{3*} Бентли, Артур (Beutley, 1870–1957) – американский социолог и политолог.
- ^{4*} Парето, Вильфредо (Pareto, 1848–1923) – итальянский инженер, экономист, социолог, работал в университете Лозанны.
- ^{5*} Турвиль, Анри де (de Tourville, 1869–1954) – французский священник, некоторое время находился под влиянием Ле Пле.
- ^{6*} Демолен, Эдмон (Demolins, 1852–1907) – французский историк, социолог, педагог.
- ^{7*} Бранфорд, Виктор (Branford, 1863–1930) – английский социолог.
- ^{8*} Фаркухарсон, Александр (Farquharson, 1882–1954).
- ^{9*} Геддес, Патрик (Geddes, 1854–1932) – шотландский биолог, социолог, градостроитель, общественный деятель.
- ^{10*} Гюнтер, Ганс (Günther, 1891–1968) – немецкий расовед, автор книги «Расоведение немецкого народа» (1922).
- ^{11*} Аммон, Отто (Amonon, 1842–1916) – немецкий евгенист и социолог.
- ^{12*} Де Роберти, Евгений Валентинович (de Roberty, 1843–1915) – русский социолог-позитивист, университетский учитель П.А. Сорокина.
- ^{13*} Эспинас, Альфред (Espinass, 1844–1922) – французский социолог.
- ^{14*} Изуле, Жан (Izoulet, 1854–1929) – французский философ и социолог.
- ^{15*} Драгическо, Думитру (Draghicesco, 1875–1945) – румынский социолог.
- ^{16*} Кули, Чарлз (Coole, 1964–1929) – американский социальный философ и психолог.
- ^{17*} Гумплович, Людвиг (Gumpłowicz, 1838–1909) – австрийский социолог польского происхождения.
- ^{18*} Ришар, Гастон (1860–1945) – французский социолог, последователь школы Дюркгейма.
- ^{19*} Литт, Теодор (Litt, 1880–1962) – немецкий философ и педагог.
- ^{20*} Бугле, Селестен (1870–1940) – французский социолог, последователь школы Дюркгейма.
- ^{21*} Росс, Эдвард (Ross, 1966–1951) – американский психолог и социолог.
- ^{22*} Парк, Роберт (Park, 1964–1944) – американский социолог.
- ^{23*} Бёрджесс, Эрнст (Burgess, 1886–1966) – канадский, американский социолог.
- ^{24*} Мак-Дугалл (Mc Dougall, 1871–1938) – англо-американский психолог, ввел понятие социальной психологии.
- ^{25*} Бернхард, Эрнст (Bernhard, 1896–1965) – немецкий психолог, врач, психоаналитик.